

ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Т. С. Киссер

ЭТНОРАКУРСЫ СИБИРСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ И. Г. ГЕОРГИ*

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются этнографические аспекты путешествия И. Г. Георги по Северу и Сибири России. Благодаря сибирским путешествиям были созданы первые описания таких народов, как самоеды (ненцы), остяки (ханты), вогулы (манси), тунгусы, буряты. Путешествуя по Сибири и Дальнему Востоку, Георги составил описание чуть более 20 народов. Сведения, которые автор сообщает о каждом народе, неравнозначны. Он старался следовать единой схеме народоописания, но не все народы охарактеризованы равномерно. При описании сибирских народов вводятся новые критерии — власть (чаще исторический ракурс) и колонизация. Важное место в описании путешествия занимают сюжеты об истории и происхождении этих народов, колонизации, мобильности и др. Георги подробно описал самоедское кочевье, которое произвело на него большое впечатление. Основным мотивом кочевания он назвал звериный промысел. Путешествие по Сибири сыграло ключевую роль в зарождении и развитии пристрастия Георги к описанию народов. Интерес к культуре разных народов стал важным мотивом его путешествия, а впоследствии побудил Георги составить первый этнографический свод народов Российской империи. Народоведение рождалось не в кабинетах, а в путешествиях. При этом самые значимые результаты приносили долгие путешествия по Сибири и Дальнему Востоку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иоганн Готлиб Георги, Сибирь, путешествие, этнография, систематика народов

УДК 930.2

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-111-118

КИССЕР ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА — м.н.с. отдела проектных исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: tkisser@bk.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А. В. Головнёв).

Одним из важнейших достижений века Просвещения как в Европе, так и в России было привлечение для решения государственных и геополитических задач сложившихся к тому времени научных корпораций. Для Российской империи и реализации политики, проводимой Екатериной II, это было продолжением и развитием на новом уровне традиций, заложенных Петром I. Изучение и описание природных ресурсов страны, составление новых географических карт, описание проживавших на обширных российских территориях народов, их быта, языков — эти и другие задачи были поставлены перед так называемыми академическими «физическими» экспедициями. В 1768–1774 гг. Академией наук был проведен ряд экспедиций в Поволжье, на Урал, Европейский Север, в Сибирь, Прикаспий, на Кавказ. Участниками экспедиций были П. С. Паллас, И. И. Лепехин, С. Г. Гмелин, И. П. Фальк, И. Г. Георги, И. А. Гильденштедт, Н. П. Рычков, Н. Я. Озерецковский, Н. П. Соколов, В. Ф. Зуев. Экспедиции стали одним из факторов формирования идентичности и идеи многонародности России. Принцип этнопанорамы и рассмотрение пространства империи по народам впервые были реализованы именно в практике этих путешествий. Путешественники отправлялись в экспедицию натуралистами, а возвращались этнографами, вырабатывая в ходе непосредственных наблюдений методы сравнения и систематики народов и культур.

В целом изучению деятельности как всей экспедиции, так и отдельных ее отрядов посвящено достаточно работ и в российской (Маракуев 1877; Пыпин 1890; Пекарский 1900; Гнучева 1940; Берг 1945; Шафрановская 1970; Магидович, Магидович 1984; Ерохина 2011 и др.), и в зарубежной (Bucher 2002; Köhler 2012; Vermeulen 2013 и др.) исторической науке. Однако недостаточно внимания уделялось экспедиционной деятельности отдельных персонажей. Во многом это было связано с труднодоступностью источников (трудностями как в поиске, так и в прочтении). Многие результаты экспедиций до сих пор в полной мере не опубликованы либо публиковались только на немецком и французском языках. Материалы по истории экспедиций, записи, оставленные их участниками, хранятся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПбФ АРАН).

Особого внимания заслуживают материалы И. Г. Георги, который совершил путешествие по Российской империи, оставив после себя сведения, касающиеся природы и ресурсов, истории страны и населяющих ее народов. Эти материалы не опубликованы, в частности раздел, посвященный описанию народов (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. «Путешествие Георги по Российской империи»), или не переведены на русский язык (Georgi 1775).

Наибольшую известность Георги приобрел благодаря многотомному изданию «Описания всех обитающих в Российском государстве народов». Многие современные исследования посвящены изучению его роли в отечественной этнографии (Токарев 1958; Загребин 2007; Головнёв, Киссер 2015), однако нет работ, в которых Георги был бы представлен как путешественник.

В статье используется метод «крупного плана» (Головнёв 2010), предполагающий погружение в индивидуальность исторического персонажа и рассмотрение изучаемой ситуации его глазами. Смысл этой персонификации состоит в стремлении реконструировать индивидуальную мотивацию и обстоятельства принятия решений, сыгравших важную роль в деятельности исследователей-путешественников.

Иоганн Готлиб Георги родился в 1729 г. в Померании. Образование получил в университете Уппсалы, где посещал занятия К. Линнея, лекции которого бережно хранил на протяжении всей жизни (Загребин 2007: 155). Именно учитель привил ему страсть к классификации как лучшему способу практического освоения окружающего мира.

В 1770 г. был приглашен профессором Иоганном Фальком для участия в академических экспедициях по Российской империи. По прибытии в Россию Георги приступил к полевым исследованиям

Центральной России, Поволжья и Урала в составе экспедиции Фалька. Георги обладал страстью к путешествиям и часто совершал одиночные поездки на долгое время. 22 ноября 1772 г. он отправился в самостоятельное путешествие по Сибири. Георги обращал внимание не только на «физическое землеописание и минералогию» (он был ботаником), но и на «познание языческих народов»:

В таких дальних, совершенно разных поездках, в отдаленных местностях, среди чужих народов нельзя избежать необычных, редких, досадных или веселых происшествий и сцен. Мои занятия соображаемы были с приказами моих начальников, но я имел случай обозреть немалую часть Российской империи, и сначала более по своей воле, нежели по поручениям, обращено мое внимание на физическое землеописание, минералогию и познание языческих народов оной империи (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. Л. 2).

В ходе путешествия по Сибири у Георги произошел «этнографический сдвиг», он стал описывать народы (хотя эта задача не была первоочередной). Коренное население произвело на него большое впечатление, а накопленные знания о народах Центральной России, Поволжья и Урала помогли Георги более глубоко погрузиться в этнографию народов Сибири.

Путешествуя по Сибири и Дальнему Востоку, Георги составил описание чуть более 20 народов. Он старался следовать единой схеме народоописания, включающей следующие характеристики: территория, происхождение/название, внешний облик, язык, образ жизни (хозяйство), жилище, одежда, пища, дань/торговля, воспитание/нравственные качества, обряды жизненного цикла, религия (культы). Но не все народы обрисованы равномерно по всем названным характеристикам. При описании сибирских народов вводятся новые критерии — власть (чаще исторический ракурс) и колонизация. В описании одежды Георги использует компаративный подход, сравнивая одеяния разных народов, например самоедскую одежду с остяцкой и якутской, аринскую с качинской, тунгусскую с якутской, юагирскую с самоедской и т. д. Исторический ракурс демонстрирует Георги в описании власти, показывая, как строилась система управления народа до завоевания русскими и после. «Никогда не бывало князьков, владельцев или иных каких судей, кроме старшин над поколениями» (Георги 1799: 6), — так он пишет о самоедах.

Выше мы уже говорили о том, что в описании этой группы народов к категории «власть» добавляется «колонизация». Аборигенное население Сибири Георги характеризует как людей вольных, никем не закрепощенных, «пребывающих спокойно в древних своих порядках». Колонизация сибирских народов связана, с одной стороны, с покорением их русскими, с другой — с данническими отношениями. Самоеды (совр. ненцы) после покорения Российской державой стали платить подать по привычке (Георги 1799: 6). Маторы (уже исчезнувший народ) в 1609 г. платили России дань (Там же: 16), а вот тунгусы (совр. эвенки) оборонялись сильнее других сибирских народов (Там же: 33).

Важное место в презентации сибирских народов у Георги занимает описание его первых впечатлений и эмоций от встречи с ними. Об остяках (совр. хантах) Георги писал, что души их тупые и унылые, потому они «боязливые, суеверные, ленивые, неопрятные, но послушные и добросердечные; грамоте не обучены, как и финские народы, считают до десяти лет» (Георги 1799: 67). Вогулы в поступках «бодры, честны, послушны, рачительны, не глупы, но легкомысленны, к беспорядкам склонны, в гневе неукротимы и неопрятны; грамоты не знают, лет не считают, а месяцы называют по происходящим в лесах естественным приключениям <...> непорядочное хозяйство, частые праздники, пристрастие к пьянству подвергают их бедности» (Там же: 60, 62).

Георги подробно описал самоедское кочевье, которое произвело на него большое впечатление. Основным мотивом кочевания он назвал звериный промысел. Роль женщины в жизни кочевников Георги оценивал как основополагающую, так как именно женщина своими хозяйственными делами создавала мужчине условия для звериного промысла и рыбной ловли. Самоедов он описывал как «отважных, суеверных, ни к воровству, ни к убийствам, ни к мести не склонных, ни к чему не пристрастных» (Георги 1799: 7, 8).

Известия Георги об уже исчезнувшем народе каракассы являются этнографической удачей, потому что подробные этнографические описания этого народа редки. «Каракассы — остатки Красноярских народов самоедского племени. Они бедны и кроме нескольких оленей ничего не имеют. Одевание делают из разных звериных кож на самоедский вкус. Все крещены, но держатся к православному веру. Но многие молятся про себя солнцу и небу» (Георги 1799: 19). Вероятнее всего, «исчезнувший народ» каракассы связан с карагасами Восточных Саян, современными тофаларами. Как отмечают исследователи, тофалары имеют сложное происхождение, в котором приняли участие тюркские, монгольские, самодийские и кетские группы (Вайнштейн 1980: 82, 83). Как отмечал другой участник экспедиции, П. С. Паллас, язык карагасов имел сходство с самоедским. В доказательство самоедоязычности карагасского рода он приводит сравнительный лексический материал по языкам «самоедским, койбальским, моторским и карагасским». Например, он дает такие карагасские слова: *kalé* ‘рыба’, *charga* ‘мех’, *sira* ‘снег’, *merge* ‘ветер’, *chy* ‘дерево’, *gido* ‘два’, *nagur* ‘три’, *sumbyla* ‘пять’ (ср. соответственно современные тофаларские: *балық* ‘рыба’, *кеъиш* ‘мех’, ‘шкурка’, *қар* ‘снег’, *қат* ‘ветер’, *чеъиш* ‘волосы’, *диш* ‘зубы’, *неш* ‘дерево’, *иъһи* ‘два’, *уш* ‘три’, *беш* ‘пять’) (Паллас 1788: 524–526; Рассадин 2014: 5). О языке карагасов писал и Георги: «Статься может, что они во время воинственных беспокойств собрались из беглецов. Язык их — самоедское наречие, и при этом не столько испорченное, как у многих других остатков самоедского племени» (Георги 1799: 19).

Георги побывал в таких крупных городах Сибири, как Тобольск, Ишим, Омск, Томск, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Кяхта, Чита, Нерчинск. Он получил задание подробно исследовать Иркутск («это место богато народами и питательно, почти все действенно») и озеро Байкал («вода Байкала превосходна, на вкус она приятна»).

В Иркутске Георги провел зиму и весну 1773 г., погода даже весной поражала его «великой стужей», которая длилась до мая (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. Л. 36). На зимних квартирах им была составлена большая часть записок его путешествия. Иркутск показался ему отличным от прочих селений Сибири. Город напоминал о культуре Китая: в домах и одежде видна чистота, а в убранстве — китайский вкус, покои украшены китайскими картинами, куклами, вазами, фарфоровой и лакированной посудой, коврами; при угощении подают китайские плоды и конфеты (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. Л. 31).

Интерес к Востоку у Георги прослеживается с первых страниц дневника. Так, он сообщает о японском судоходном училище, описывает японцев в сравнении с китайцами:

Японцы, подобно китайцам, особенно занимаются торговлею, они имеют худо выстроенные суда. А одежда у японцев походит на китайскую. <...> Женщины, подобно китайцам, отращивают ногти и закурочивают их в теплой воде (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. Л. 13, 14).

По ходу путешествия Георги часто делает замечания и дает советы, как нужно правильно вести хозяйство. По его наблюдениям, «земледелие в Иркутске по причине рано наступающей великой

стужи неплодотворно» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. Л. 30). Иркутский губернатор, в доме которого Георги останавливался, отправил на Камчатку студента и капрала с разными семенами, чтобы они раздали семена колонистам в южных острожках. Часть хлеба «позябла», а в некоторых местах имела «тройную жатву», присланные для доказательства рожь и испеченный из нее хлеб были отличного качества. Георги удалось отведать этого камчатского хлеба. По его замечанию, если бы люди применяли семена по климату, то на Камчатке можно было бы жить по-европейски (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. Л. 29, 30).

Путешествуя по Байкалу, Георги делает обстоятельное описание его берегов, перечисляет животных, обитающих в озере, останавливается на рыбном и тюленьем промыслах, судоходстве, описывает флору и фауну побережий, знакомится с жизнью местных обитателей — тунгусов и бурят. Тунгусы привлекли его своей открытостью и беззаботностью. Они водили его на свои культовые места, к родникам. По его наблюдениям, в своей округе они знают каждое дерево, каждый камень, они хладнокровны, безразличны к «великим горестям и к скудости бесчувственны» (Киссер 2016: 57).

Георги побывал у тунгусов, бурят, вогулов, остяков и других сибирских народов. По дневнику путешествия заметно, что «этнографический сдвиг» исследователя произошел, когда он оказался у тунгусов. Если прежние заметки начала 1771 г. не содержат этнографически выразительных сведений, то с июля 1771 г. описания решительно меняются. Находясь среди байкальских, верхнеангарских, баргузинских, витимских тунгусов, Георги обстоятельно и увлеченно описывает их «колена», классифицирует тунгусов на «конных, оленьих и собачьих» (по-другому — на лесных и степных). Первое впечатление от тунгусов он описывает так: «Люди они добрые, всегда веселы и редко другогото обижают. Женский пол гораздо чувствительнее мужского, иногда стоит немалого труда воздержать молодых вдов от самоубийства» (Георги 1799: 48). Внешне тунгусы напоминали ему калмыков: «...росту среднего, статны и вертлявы. Лицо как у калмыков, глаза маленькие, нос небольшой, уши обыкновенные, волос черный и прямой. Дети походят на калмычонков» (Георги 1799: 35).

В строках дневника видна симпатия и теплота: «Старики ходят так бодро и проворно, как у европейцев молодые люди. Молодые тунгусы скачут с удивительной легкостью через палки и колоды» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. Л. 237). Тунгусы с их ярким шаманством и естеством миропонимания стали для Георги «референтным народом», и в дальнейшем он опирался на них в своих сопоставлениях.

Этнографическое «прозрение» Георги началось именно с тунгусов. В дневниках его путешествия им уделено довольно много места (более 50 страниц), а завершается раздел рисунком «Тунгусы» (Georgi 1775, I: 295). По мнению А. В. Головнёва, «манекенность» лучников не затмевает живости общей картины тунгусского стойбища, а в ее деталях этнограф-полевик легко различит значимые акценты: именно тунгусский ручной олень-учак может безмятежно дремать рядом с собакой и жилищем; мгновение реальности читается в том, как дымит лишь один из восьми чумов стойбища, мимо которого шагает еще один лучник. Эта сцена этнографически реалистична, ее можно рассматривать и в целом, оглядывая горно-таежный ландшафт, и в частности, изучая орнамент меховой одежды, татуировку на лице, набор оружия, строение чума и крой его покрывшек. Представленная Георги визуальная этнография — слепок действительности, передающий не только тунгусскую культуру, но и погружение в нее рисовальщика. Рисунок «Тунгусы» запечатлел тот самый «этнографический сдвиг» натуралиста, который позволил Георги вернуться из экспедиции знатоком народов России и взять на себя ответственность по созданию галереи костюмов, а затем этнографической энциклопедии (Головнёв 2018: 13, 14).

В путешествии Георги увлекся сибирским шаманизмом: он заводил знакомства с местными шаманами, был свидетелем ритуалов. По его мнению, шаманы являются посредниками между народом и богами, за что их боятся и уважают.

Я был свидетелем разнообразных торжеств идолопоклонства шаманов среди разных язычников и, как правило, с легкостью получал, посредством дружелюбного поведения и маленьких подарков, расположение жрецов и жриц, которые отчасти были энтузиастами, отчасти мошенниками, отчасти достаточно хорошими (людьми)... отличающимися от своих собратьев умом (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. Л. 254).

Из путешествия Георги привез не только дневники и заметки, но и иллюстративный материал. При публикации «Заметок путешествия по Российской империи 1772–1774 гг.» на немецком языке использовались рисунки, на которых были изображены представители местных народов, их костюмы, ритуальные предметы, археологические находки. Его «Описание народов Российской империи» содержит почти 100 гравюр с изображениями показанных в разных планах представителей различных народов, выполненных гравером Карлом Ротом. При этом каждая фигура изображена в традиционном костюме. Все детали костюма — от украшений до обуви — отражены точно. Персонажи, напротив, не имеют каких-либо антропологических особенностей — перед нами манекены, различающиеся по расовым признакам, костюм предстает как «этнолицо» народа. Эту коллекцию гравюр исследователи называют «рисунками Георги». Они стали ключом к этнографическому узнаванию народов России и положили начало традиции отечественной визуальной антропологии (Головнёв, Киссер 2015: 66). Георги составил большую коллекцию собственных рисунков различных народностей, частью которых воспользовались другие участники экспедиции.

Важную роль в путешествии Георги сыграл его личный научный интерес к познанию природных и человеческих ресурсов Российской империи. В ходе путешествия его мотивы менялись. Внимание Георги в начале путешествия было сосредоточено на лекарственных растениях и травах, но впоследствии, путешествуя по Сибири, он увлекся познанием жизни народов. Дополнительным интересом стали рисунки, создаваемые во время путешествия. Эти рисунки были визуальным сопровождением всей экспедиции.

Путешествие по Сибири сыграло ключевую роль в зарождении и развитии его пристрастия к народоописанию (Головнёв 2004). Интерес к культуре разных этносов стал важным мотивом путешествия Георги, а впоследствии побудил его составить первый этнографический свод народов Российской империи (Головнёв, Киссер 2015: 67), в котором он применил систематику и сравнительно-этнографический метод. Народоведение рождалось не в кабинетах, а в путешествиях. При этом самые значимые результаты приносили долгие путешествия по Сибири и Дальнему Востоку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 36. «Путешествие Георги по Российской империи» Т. 1. Л. 1–476. Данное «Путешествие» представляет собою труд Георги, содержащий описание им своих экспедиционных наблюдений.

Берг Л. С. Географические и экспедиционные исследования Академии наук // Вестник АН СССР. 1945. № 5–6. С. 11–34.

Вайнштейн С. И. Происхождение саянских оленеводов: проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 68–88.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 3.

Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций XVIII в. М.; Л., 1940.

Головнёв А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М., 2004. С. 476–485.

Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.

Головнёв А. В., Киссер Т. С. Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–69.

Ерохина Т. В. Немецкие историки-академики XVIII века в русской науке: оценки с позиций до-революционной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9 (224). История. Вып. 44. С. 129–136.

Загребин А. Е. И. Г. Георги и первая сводная монография по этнографии народов России // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 155–159.

Киссер Т. С. Путешествие И. П. Фалька и И. Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 53–60.

Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. М., 1984.

Маракуев В. Н. Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. 3. Кн. 2.

Пекарский П. П. История Академии наук. СПб., 1900. Т. 1.

Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1.

Рассадин В. И. Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста, 2014.

Токарев С. А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1958. № 4. С. 113–128.

Шафрановская Т. К. Новые данные к биографии И. Г. Георги (к 200-летию начала его экспедиционной деятельности) // Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии АН СССР. М., 1970. С. 105–107.

Bucher G. Von Beschreibung der Sitten und Gebräuche der Völker. Die Instruktionen Gerhard Friedrich Müllers und ihre Bedeutung für die Geschichte der Ethnologie und der Geschichtswissenschaft. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 63. Stuttgart, 2002.

Georgi J. G. Bemerkungen einer Reise im Rußischen Reich 1772–1774. Saint Petersburg, 1775. Bd. 1–2.

Georgi J. G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merckwürdigkeiten. Saint Petersburg, 1776–1780. Bd. 1–4.

Köhler M. Russische Ethnographie und imperiale Politik im 18. Jahrhundert. Göttingen, 2012.

Vermeulen H. Peter Simon Pallas und die Ethnografie Sibiriens im 18. Jahrhundert // Erschienen der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert, herausgegeben von Erich Kasten. Fürstenberg, 2013. S. 47–75.

ETHNOGRAPHIC ASPECTS OF J. G. GEORGI'S TRAVELS IN SIBERIA

ABSTRACT. The article presents a study of the ethnographic aspects of J. G. Georgi's travels in Northern Russia and Siberia. As a result of these Siberian journeys the researcher produced descriptions of several ethnic groups including Samoyeds (Nenets), Ostyaks (Khanty), Voguls (Mansi), Tungus, and the Buryat. In the course of his travels around Siberia and the Far East Georgi described over twenty peoples. However, the information provided on each of the groups differs in quality. Georgi tried to follow a consistent pattern of demographic description, but not all the peoples are described in a similar way. In his descriptions of the peoples of Siberia Georgi introduced new criteria — authority (in most cases from a historical perspective) and colonization. Particular attention in his travel notes was paid to stories about the history and origin of these peoples, colonization, mobility, etc. Georgi provided a very detailed description of the Samoyed (Nenets) migration cycle which appears to have impressed him to a great extent. According to him the main reason for this migration was animal trapping. Georgi's travels in Siberia played a key role in the formation and development of his interest in ethnographic descriptions. His interest in the culture of different peoples became an important driver for Georgi's travels, and later this interest inspired him to draft the first ethnographic description of the peoples of the Russian Empire, in which he applied a systematic approach and comparative methods of analysis. Ethnography was born on the road rather than in study rooms. And the most important results were obtained in the long journeys around Siberia and the Far East.

KEYWORDS: Johann Gottlieb Georgi, Siberia, travel, ethnography, ethnographic classification

TATIANA S. KISSER — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: tkisser@bk.ru